

ЕВГЕНИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ БОРУТА

УДК 130.2+101.3

Магистрант,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия,
gboruta@mail.ru

АННА ЕВГЕНЬЕВНА ШАБАЛИНА

кандидат философских наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет,
Санкт-Петербург, Россия,
Chabalina@mail.ru

НЕОГЕГЕЛЬЯНСТВО АЛЕКСАНДРА КОЖЕВА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПОСТМОДЕРНИЗМ

Аннотация: В статье рассматриваются основные аспекты философии А. Кожева, и рецепция его идей в философии «низкого материализма» (Ж. Батай) и постмодернизма (М. Фуко, Р. Барт, Б. Гройс). Отмечаются и анализируются некоторые моменты в биографии Кожева, в особенности, его увлечение Гегелем, трактовка которого впоследствии стала одной из ведущих концепций французской философской мысли. Анализируется классификация понятий гегелевской диалектики, являющейся инструментом и языком неогегельянства А. Кожева (негативная диалектика, диалектика раба и господина, конец истории), а также основные темы философии постмодернизма (смерть субъекта). Авторы приходят к выводу, что оригинальная трактовка А. Кожевом «Феноменологии духа» Гегеля стала одним из важнейших базисов философии постмодерна.

Ключевые слова: неогегельянство; А. Кожев; Феноменология духа; Ж. Батай; негативность; диалектика; конец истории; постмодернизм; смерть субъекта; смерть автора.

Для цитирования: Борута Е.В., Шабалина А.Е. Неогегельянство Александра Кожева и его влияние на постмодернизм // Studia Culturae. 2022, 3 (53). С. 31–44. DOI: 10.31312/2310-1245-2022-53-31-44

EVGENY V. BORUTA

Master Student,
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia,
gboruta@mail.ru

ANNA E. SHABALINA

Cand. Sci. in Philosophy, Associate Professor,
St. Petersburg State Agrarian University,
St. Petersburg, Russia,
Chabalina@mail.ru

**ALEXANDRE KOJÈVE'S NEOHEGELIAN PHILOSOPHY
AND ITS RECEPTION IN POSTMODERNISM**

Abstract: The article discusses the main aspects of Alexandre Kojève's philosophy as well as the reception of his ideas in the philosophy of "Low materialism" (G. Bataille) and Postmodernism (M. Foucault, R. Barthes, B. Groys). The most important moments of Kojève's biography are noted and analyzed, especially his reinterpretation of Hegel's dialectics, which had become one of the leading concepts of French philosophy of XX century. Moreover, there is a classification of the concepts of Hegelian dialectics, which Kojève uses as his Neohegelian language: Negative dialectics, Lord-bondsman dialectics, The End of History. Apart from this, there are some themes of Postmodern philosophy (The death of the subject) that are analyzed in comparative way with Kojève's ideas. The authors come to the conclusion that Kojève's innovative interpretation of "Phänomenologie des Geistes" had become one of the most important bases of Postmodernism.

Keywords: neohegelianism; A. Kojève; Phänomenologie des Geistes; G. Bataille; negative dialectics; the end of history; postmodernism.

For citation: Boruta E.V., Shabalina A.E. Alexandre Kojève's Neohegelian Philosophy and its Reception in Postmodernism // Studia Culturae. 2022. 3(53). P. 31–44. DOI: 10.31312/2310-1245-2022-53-31-44

«Кожев оказывал необычайно сильное интеллектуальное влияние на наше поколение. <...> Он даже выступил в Коллеже с докладом о Гегеле. Это заседание поразило нас всех как

интеллектуальными способностями Кожева, так и его выводами. Вы помните, как Гегель говорит о всаднике, знаменующем конец истории и философии. Для Гегеля этим человеком был Наполеон. Так вот! В тот день Кожев убедил нас, что Гегель ошибся на столетие: человеком конца истории был не Наполеон, а Сталин» [1, р. 70].

Центральной темой философии Кожева являются война и революция. В своей истории философии, А. Кожев (1902–1968) ссылаясь на исторические обстоятельства, через которые прошли, как Россия, так и Франция: революционные войны и террор в обеих странах. Великая Французская революция переросла в захватнические войны Наполеона, революция в России переросла в террор и последующее построение социализма в отдельно взятой стране под руководством Сталина.

Поскольку Александр Кожев (по рождению Кожевников) провел свою юность в России, он, можно сказать, вырос на бинарной оппозиции западников-славянофилов, ему были знакомы проблемы русского нигилизма, споры о «человекобожестве» и «богочеловеке»¹, а также, что немаловажно, знакомство «левым ницшеанством», которое преобладало в России в те времена. Кроме того, он не избежал влияния младогегельянства Герцена, поклонника «Феноменологии Духа», интерпретируя Гегеля как Гёте, то есть как Поэта.

Как писал Г. Флоровский о Герцене: «Герцен дочитал наконец “Феноменологию духа”. И тогда им овладела философская страсть. “К концу книги точно въезжаешь в море, — писал он тогда Краевскому, — глубина, прозрачность, веяние духа несет — *lasciate ogni speranza*—берега исчезают, одно спасенье внутри груди, но тут-то и раздается: *Quid timeas, Caesarem vehis*, страх рассеивается <...> Я дочитал с биением сердца,

¹ В одной из своих лекций по «Феноменологии духа» Гегеля, он даже ссылается на «Бесов» Достоевского.

с какой-то торжественностью. Гегель — Шекспир и Гомер вместе» [2, с. 477]. Герцен чувствует в Гегеле накал, “демоническое явление”. Он чтит Гегеля как тайнозрителя духа, как великого поэта. Только Гёте решается он сравнивать с Гегелем» [3, с. 84]. В. Биbihин упоминал, что Андре Глюксман «называет Гегеля вторым (первый Фихте) из четверки “властителей мысли”, которые “наладили умственную аппаратуру, необходимую для пуска в ход великих окончательных решений XX века” [4, р. 310]. От Герцена увлечение Гегелем перешло к Бакунину, который «по Канту и Фихте выучился по-немецки и потом принялся за Гегеля, которого методу и логику он усвоил в совершенстве –и кому не проповедовал её потом? Нам и Белинскому, дамам и Прудону» [2, с. 212]. Своеобразная анархическая «негативная диалектика» Бакунина напоминает с трактовкой гегелевской диалектики, которую можно найти у Кожева. Книга И. А. Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» была также знакома Кожеву, но большое влияние на его неогегельянство эта работа не оказала, поскольку именно Кожев был наследником немецкой школы.

В 1920 году Кожев покидает Россию и отправляется учиться в Германию, в Гельдерберг, где посещает лекции неокантианцев (практически все его лекторы были неокантианцами, так как во второй половине XIX века главными ориентирами стали позитивизм и неокантианство) Г. Риккерта, А. Рия, учится вместе с К. Ясперсом, углубленно изучает философию и религию. [5, с. 94]. Там же он пишет диссертацию о религиозной философии Владимира Соловьева в 1924–1925 гг.

Как отмечает в своей работе «Формирование философии Александра Кожева» А. М. Руткевич [6, с. 20], немецкая философия имела множество отличий от русской, французской и британской, она очень многим обязана протестантской семинарии: «немецкая философия Нового времени была достижением образованного среднего евангелического

бюргерства, но в первую очередь пасторского дома — факт, который объясняет не только многие особенности формы, стиля, часто ужасной, закрывающейся от мира терминологии, ее сильную склонность к тому, чтобы замкнуться в косных, едва понятных школьных конструкциях, но и некоторые содержательные особенности, например, ее относительно слабую связь с математикой и естественными науками, ее аполитичный созерцательный дух, ее ничтожный радикализм...» [5, с. 94].

Первая Мировая война послужила некоторым философским разворотом от Логике и Гносеологии в сторону Онтологии, как утверждают многие историки философии, в том числе и Руткевич: «Неокантианцы без онтологии тоже не могли обходиться. Скажем, представители Баденской школы утверждали, что существует некая иррациональная действительность, первобытный хаос, на который налагаются организующие его формы нашего мышления» [6, с. 22]. Одо Марквард писал, что следствием Первой Мировой войны стало метафизическое преодоление неокантианства: «Ведь одновременно отвергались те мотивы неокантианства, которые в случае марбургского неокантианства вели политически к реформированному социализму, <...> и которые были движением в сторону буржуазной демократии» [7, S. 131]. Неокантианство отвергается, а философия становится все более политизированной, примером этого могут служить экзистенциализм, Франкфуртская школа (фрейдомарксизм), а в особенности «Консервативная революция» и Философская антропология.

Последние годы Кожева в Германии определяют его будущую судьбу: он уходит из востоковедения глубоко в философию, где обращается к философии истории В. Соловьева²

² Как было упомянуто выше, Кожев писал диссертацию по В. Соловьеву, где софиология сопоставляется с шеллингианством и гегельянством. Там же, как и указывает Руткевич, и появляются его

и к антропологии философии. В 1926 году он переезжает в Париж, получает французское гражданство в 1939 (где и сокращает свою фамилию на французский манер) и участвует во Французском Сопротивлении в 1942–1944 гг. В 30-е годы, познакомившись с А. Койре и посещая его семинары, Кожев стал интенсивно изучать, переводить³ и внедрять феноменологию Гуссерля и Хайдеггера во Францию.

Как замечает Р. Кайуа: «Гегель Кожева действительно рождается в том ретроспективном свете, который “философия смерти” Хайдеггера бросает на “Феноменологию Духа”. Кожев сам пишет об этом: «Благодаря своему анализу смерти Хайдеггеру удалось если и не сказать нечто абсолютно новое, то по меньшей мере увидеть возможность сделать шаг вперед по дороге философского прогресса, которая казалась окончательно заблокированной Гегелем <...> Никто из множества “экзистенциальных” мыслителей <...> — и вообще никто после Гегеля и до Хайдеггера — не создал в философии ничего подлинно нового. В частности, все идеи Хайдеггера, которые обычно объясняют влиянием Кьеркегора, Ницше, Бергсона и т. д., можно обнаружить у Гегеля, особенно в его “Phänomenologie des Geistes” и в предшествующих сочинениях. <...> Таким образом, только через сопоставление с произведениями Гегеля можно понять и оценить философское значение произведений Хайдеггера, раскрыть, что же действительно нового они имеют. Действительно, I том “Sein und Zeit” является лишь попыткой воспроизведения — исправленного —

«элементы атеистической негативной антропологии, которая позже будет развита в работе “Атеизм”».

³ В журнале *Recherches philosophiques* Кожев опубликовал несколько переводов Гуссерля и Хайдеггера. Именно феноменология Гуссерля и «экзистенциальная онтология» Хайдеггера прослеживаются в работе «Введение в чтение Гегеля», где «Феноменология духа» реинтерпретирована.

феноменологической («экзистенциальной») антропологии “Phänomenologie des Geistes”, с целью создать некую онтологию (том II, еще не вышедший), которая должна прийти на смену искаженной онтологии Логики Гегеля» [8, р. 50].

Другим истолкованием Гегеля в то время осуществил Койре, который, по сути, повторил интерпретацию Герцена: «гегелевский человек это — фаустовский человек» [9, р. 190]. Но интерпретация Гегеля А. Койре — это другая тема.

Благодаря страшной популярности марксизма, «всякое гегельянство и не может быть иначе как возвратом или ренегатством, из марксизма» [10, с. 42]. Именно благодаря Койре Кожев пришел к «собственному ретроспективному свету» Гегеля. В 1932–1933 гг. на замену Койре⁴, руководство Практической школы высших исследований пригласило Кожева прочитать курс по Гегелю, прежде всего по «Феноменологии духа», который он прочитал до 1939 года, где слушателями были будущие мэтры французской философской мысли: Батай (главный философский адепт из поколения трех «Н»: Hegel, Heidegger, Husserl), Реймон Арон, Жак Лакан, Пьер Клоссовски, Морис Мерло-Понти и другие.

Книга Ж. Валя «Несчастные сознания в философии Гегеля», которая концентрировала религиозные мотивы системы Гегеля, изменила фокус на Гегеля в целом: теперь «Феноменология Духа» стала явно превалировать над «Логикой». Вследствие сложилась фигура Гегеля-экзистенциалиста, романтика, а потом и батаевская формула «Гегель против Гегеля» [8, с. 51]. А. Зыгмонт писал о том, что оригинальность интерпретации Гегеля Кожевным оказала на «Батая столь сильное влияние, что он, по его же собственным словам, выходил с семинара “растерянным, уничтоженным, десятикратно убитым”

⁴ Сам Койре принял приглашение читать курс лекций о своей интерпретации Гегеля в Каире.

и, в сочетании с иррационализмом, также определила собой все содержание его философии» [11, с. 30].

Именно это послужило причиной резкой перемены батаевских взглядов. Первая «ссора» Батая и Бретона отмечена во время «Второго манифеста сюрреалистов» (1929), где Бретон называет себя истинным гегельянцем. Очевидно, что Гегель Бретона — это сюрреалист, отнюдь не экзистенциалист Кожева. Антисюрреалистическая формула Батая «Гегель против Гегеля» позже используется в его эссе «Обелиск». Впоследствии эту формулу Батай обозначит как «низкий материализм».

Биограф Гегеля Жак Д'Онт акцентирует внимание на «позитивном отношении к казни Людовика XVI и апологию тираноубийства. Сам убитый король упоминается только в его тетрадах, однако часто встречается в его текстах под именем ненавидимой им “тирании”» [12, с. 166–168]. В одном из эпизодов «Феноменологии Духа», где смерть есть реализация абсолютной свободы, пишется: «Единственное произведение и действие всеобщей свободы есть поэтому смерть, и притом смерть, у которой нет никакого внутреннего объема и наполнения; ибо то, что подвергается негации, есть ненаполненная точка абсолютно свободной самости; эта смерть, следовательно, есть самая холодная, самая пошлая смерть, имеющая значение не больше, чем если разрубить кочан капусты или проглотить глоток воды» [13, с. 418]. Именно этот «разрубленный кочан капусты» рассматривается как аллегория на убийство Людовика XVI, смерть которого создает нацию как таковую. В отрывке из Гегеля также нетрудно заметить батаевскую «свободу», которая постигается слиянием и разрушением, согласно Кожеву — это есть «чистая негативность, то есть Ничто и смерть» [14, с. 558]. Батаевская отрубленная голова Ацефала есть не что иное, как сам убитый король, а его тело — свободное общество.

Однако участие Кожева не оставляет на Коллеже печать гегельянства, на что так надеялся Батай, поэтому он возвращается к своей манере истолкования Гегеля, чтобы поставить «с негативными, между прочим, намерениями проблеме оснований социологической науки» [8, с. 53]. У Батая и Кожева было два разногласия: первое было связано с трактовкой понятия «конца истории», а второе — «негативность без применения».

Первое разногласие является одним из главных постмодернистских концепций. Самый главный признак «конца истории» по Кожеву — это появление гомогенного государства, с помощью которого будут преодолены разногласия между Господином и Рабом. Письмо Батая Кожеву «ПИСЬМО Х., РУКОВОДИТЕЛЮ СЕМИНАРА ПО ГЕГЕЛЮ...» — объясняет, что «Художник не имеет возможности реализоваться в полной мере. Он признан лишь как соиздатель, неподвижной и немой Статуи... Признание получает само творение, но не творчество или потребление. Его радость... Она лишена человечности, ибо Человек — это не Бытие, но Действование» [14, с. 306]. По Батаю, если Действование является негативностью, тогда «встает вопрос не исчезнет ли негативность того, кому “больше нечего делать”, или будет существовать в состоянии “негативности без применения”: что касается лично меня, то я могу решить этот вопрос только в том смысле, что я сам являюсь этой “негативностью без применения” (и я не смог бы определить себя более точно). Полагаю, что Гегель предвидел такую возможность: по крайней мере, он не расположил ее в конце тех процессов, которые описывает [8, с. 56–58].

«Конец истории»⁵ по Кожеву — это французская интерпретация, смерть автора и субъекта. Согласно Гройсу, тексты

⁵ Широкую известность в массовой культуре этот термин приобрел благодаря Ф. Фукуяме.

Фуко, Делёза, Лиотара, Бодрийяра и Деррида были интерпретированы как доказательство того, что история закончилась, субъект умер и авторство невозможно — и в результате современный человек оказался безвозвратно затерянным в мире знаков, которые он обречён репродуцировать, не будучи более способен изобрести новые, собственные, альтернативные знаки [15, с. 148]. Кожев понимал свой философский дискурс не как оригинальную интерпретацию Гегеля с «ренегатством из марксизма», а самое настоящее цитирование или копию, но эта копия, тем не менее, не имела смерти автора.

Отказ от авторства, его смерть, затем отказ от философии как таковой, вынесенные Кожевным дали его дискурсу и последний, новый смысл. Так как философия сознания закончилась, она занялась бессознательным. Бессознательное таким образом не соответствует гегелевскому понятию «абсолютного знания» Кожева. «История, в том числе история философии, есть история борьбы за тотальную гегемонию, абсолютный суверенитет, мировое господство. Кожев всегда утверждал, что является по своим убеждениям сталинистом — поскольку видел в Сталине символ единства идеологии и власти. Абсолютное знание есть, по Кожеву, однако, знание о невозможности для отдельного человека достичь тотальной власти — а значит, и тотальной истины» [15, с. 149]. Наступление Конца истории — это конец человеческой субъективности, он становится материальным носителем культуры. Конец истории не может быть датирован в себе, следовательно, нельзя считать, что он произошёл во времена Гегеля или Кожева. Человек для Кожева — это носитель истории, а не творец, и «И вопрос, обращённый к человеку, состоит не в том, может ли он достичь абсолютного знания, а в том, может ли он его вынести» [15, с. 149]. Мудрость — есть исторический проект: для самопознания необходима прозрачность общества, иначе к Мудрости прийти невозможно [15, с. 150].

Конец истории Кожева — это не остановка исторических процессов, а другая парадигма к достижению Мудрости. Мудрость представляет собой гелелевкую/кожевскую абсолютную прозрачность (со)знания. Цель Истории — появление Мудреца, а с его появлением начинается Конец Истории. Гройс пишет, что история нужна для того, чтобы «инициировать метанойю, то есть переключить внимание с повседневной жизни на интроспекцию» [16]. Самосознание может появиться только тогда, когда человек оказывается в оппозиции к миру, когда его жизнь подвергается опасности, когда некая сила ставит его, Человека, как Животное. Эта сила осуществляет переход от Природы к Истории. История же представляет собой Антропологию, только Антропологический Человек может обладать самосознанием.

Антропологический Человек переходит от созерцания к Желанию. История — это История Желаний, которая, в конечном счете, приводит к Желанию Признания. Кожев рассматривал описание Гегелем двух самосознаний (Раба и Господина) [17, р. 172], в этой борьбе один из них побеждает, а второй остается перед выбором: умереть или остаться жить, удовлетворяя Желания победителя. Аналогично, теория Кожева подразумевала собой генезис фигуры Мудреца, который подобно рабу, будет постоянно обслуживать «функционирующую машину циркулирующей речи» [16].

Правда, такая формула с «незаконченным атеизмом» Кожева очень сомнительна сама по себе, но более чем возможна в религиозной системе: «Гегель говорит о христианской эре как эпохе всеобщего рабства. В контексте христианства даже король является Божьим рабом. Но если небеса опустели, единственным “трансцендентным господином” [16] оказывается Пустота».

Эта Пустота близка к буддизму, как правильно отметил Гройс, «западному буддизму» [16]. Тут же можно вспомнить и сходство с хайдеггерским Ничто, которое тоже

близко к буддизму. Как известно главное в мысли о Ничто Хайдеггера — это Дазайн [18, с. 21]. Таким образом, Ничто (или Пустота) может сгенерировать фигуру Мудреца, который, как «господин ничто» сотворит Дазайн (причем и в гегелевском и хайдеггеровском смысле), наличное бытие или «чистая форма посреди мира, который надо наполнить природным содержанием» [16].

Гройс в упомянутой статье задает вопрос: прав ли был Кожев в своем диагнозе Конца Истории? И отвечает отрицательно. Реинтерпретация Гегеля, главная заслуга Кожева, состоит в том, по сути, что он первым пришел к постмодернизму, который, с точки зрения искусства, состоит в заполнении Пустоты уже созданными формами, но с другим контекстом, что делает эту Пустоту.

Список литературы | References

1. Беседы с Жилем Лапужем // *La Quinzaine littéraire*. 1970. № 70. *Conversations with Gilles Lapouge // La Quinzaine litteraire*, 1970. No. 70. (In Russ.)
2. Герцен А.И. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / редкол.: М.Б. Митин (пред.) и др.; общ. ред. А.И. Володина, З.В. Смирновой; сост., авт. вступ. ст. и примеч. А.И. Володин. М.: Мысль, 1985. 592 с. *Herzen A.I. Works in 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Mysl, 1985. (In Russ.)*
3. Флоровский Г.В. Герцен в сороковые годы // *Вопросы философии*. 1995. № 4. С. 80–97. *Florovsky G.V. Herzen in 40's // Voprosi filosofii*. 1995. No. 4. P. 80–97. (In Russ.)
4. Glucksmann A. *Les Maîtres penseurs*. Paris: Grasset et Fasquelle, 1997.
5. Шелер М. *Проблемы социологии знания*. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011. *Scheler M. Problems of the sociology of knowledge*. Moscow, 2011. (In Russ.)
6. Руткевич А.М. *Формирование философии Александра Кожева: препринт WP6/2015/01 / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа*

- экономики». М.: Изд. дом. Высшей школы экономики, 2015. (Серия WP6 «Гуманитарные исследования»). 40 с.
- Rutkevich A.M. The formation of the philosophy of A. Kojeve. Moscow: HSE, 2015. (In Russ.)
7. Marquard O. Verweigerter Buergerlichkeit. Philosophie in der Weimarer Republik // Marquard O. Glueck im Unglueck. Philosophische Ueberlegungen. München: Wilhelm Fink Vlg., 1995.
 8. Hollier D. Le Collège de Sociologie. Paris: Gallimard, 1937–1939.
 9. Койре А. Etudes d'histoire de la pensee philosophique. P.: Gallimard, 1971.
 10. Биbihин В.В. История современной философии (единство философской мысли). СПб.: Владимир Даль, 2014. 358 с. (Сер. «Слово о сущем».)
Bibihin V.V. The history of modern philosophy. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2014. (In Russ.)
 11. Зыгмонт, А. Святая Негативность. Насилие и сакральное в философии Жоржа Батая. М: Новое литературное обозрение, 2018.
Zygmunt A. Sacred violence in G. Bataille philosophy. Moscow: NLO, 2018. (In Russ.)
 12. Д'Онт Ж. Гегель: биография. СПб.: Владимир Даль, 2012.
D'hondt J. Hegel: biography. St. Petersburg, Vladimir Dal': 2012. (In Russ.)
 13. Гегель Г.В. Феноменология Духа. СПб.: Наука, 2015.
Hegel G.V. Phenomenology of Spirit. St-Petersburg: Nauka, 2015.
 14. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. Лекции по «Феноменологии духа», читавшиеся с 1933 по 1939 г. в высшей практической школе / Подборка и публикация Р. Кено / пер. с фр. А. Погоняйло. СПб.: Наука, 2003.
Kojeve A. Introduction to Hegel's Phenomenology of Spirit. St. Petersburg, 2003. (In Russ.)
 15. Гройс Б. Философ после конца истории. Материалы конференции (Бремен, 25–27 июня 1998 года). Ad Marginem, 2002, с. 147–160 // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 28.08.2006.
Groys B. Philosophy after the end of history // Ad Marginem, 2002. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2623> (access: 16.12.2022). (In Russ.)

16. Гройс Б. Романтическая бюрократия: постисторическая мудрость Александра Кожева. Центр Экспериментальной музеологии. Пер. с англ. А. Фоменко // *Radical Philosophy*. 2016. No. 196. P. 29–38.
Groys B. Romantic bureaucracy: Alexander Kojève's post-historical wisdom // *Radical Philosophy*. 2016. No. 196. P. 29–38.
URL: www.radicalphilosophy.com/dossiers/romantic-bureaucracy-2 (access: 16.12.2022). (In Russ)
17. Кожève А. Tyranny and Wisdom // Strauss L. On Tyranny.
18. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: пер. с нем. М.: Республика, 1993.
Heidegger M. *Sein und Zeit*. Moscow: Respublica, 1993. (In Russ.)
19. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики: мир, конечность, одиночество / пер. с нем. В. Бибикина, А. Ахутина, А. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2013.
Heidegger M. *The basics of metaphysics*. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2013. (In Russ.)
20. Auffert D. Alexandre Kojève. Grasset. Paris, 1990.
21. Кожève А. Identité et Réalité dans le 'Dictionnaire' de Pierre Bayle. Paris: Gallimard, 2010.
22. Koschewnikoff A. Die religiöse Philosophie Wladimir Solowjews. 485 s. Manuscript.